

Зверства и военные преступления киевского режима в г. Красноармейске (Покровске) и Красноармейском районе

Москва, 2026 г.

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов (председатель – член Общественной палаты Российской Федерации М.С. Григорьев) создан 1 марта 2022 года в ходе Международной конференции по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов. В настоящее время в него вошли представители гражданского общества 33 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль, Сербия и др.).

Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, передача их в правоохранительные органы и представление информации на российских и международных площадках.

Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов непосредственно после освобождения зафиксированы свидетельства жителей города Красноармейска (Покровска) и Красноармейского района.

Они подробно рассказывают об украинских военных преступлениях, совершенных в период, когда город находился под контролем Украины. Так же, как и в других населенных пунктах, находящихся под украинским контролем, Вооруженные силы Украины проводили политику геноцида русского населения.

В городе под контролем киевского режима нередки были расстрелы мирных жителей. С.А. Чернышова рассказывает: «Много убивали ВСУ, в подвалы заходили, убивали. Один так и остался в подвале, сосед - мужчина в районе 50. Его потом соседи искали, нашли в подвале. Он сидел на стуле с прострелянными коленями и уши отрезаны». В.В. Солод свидетельствует: «Где-то в ноябре 24-го года был обстрел, бежали две женщины с магазина, в подвал на микрорайоне бежали, а их расстреляли из автоматов». В.В. Оришников приводит следующий пример: «Она такая сидит и говорит, пойду гляну, что с моим домом случилось. Андрюха, говорит, ну, нежелательно, не надо идти. Она его не послушала, пошла. Он слышит пам-пам-пам выстрелы.... Он видит, что она убитая».

Н.С. Нехченко рассказывает: «... Дедушку в районе Первомайки зарубили. Пришел сосед и говорит, это ваш дед, а у него просто-напросто раскроенный череп»...

Постоянной была также украинская практика обстрела города. Р.В. Мельник свидетельствует: «Украина обстреливала нас каждый день... В 6 часов полощат Лазурный, потом в 9 полощат Шахтерский. В 12 разворачивают дуло, полощат в район Собачевки. И градами, и ракетами, и кассетками. В основном миномет работал. Вот это «пух-бах»... Это просто секунда-две». Пострадавшая Г.П. Кузнецова свидетельствует: «Я получила ранение. И в голову, и в спину... Штанько Владимир Иванович. 86 лет. Вышел на улицу и стоял на дороге. И прилетает... Попали в саму вену, кровь. И он захрипел, и все. А похоронила я его в огороде». Э.Г. Щербинина рассказывает: «Александр Алексеевич Давыдов. У него и мама погибла, и папа погиб, и он погиб. Мы с ним выскочили из второго подъезда и только до четвертого могли дойти. И он меня успел оттолкнуть... А потом он падает, и все. Прощай, говорит. У него от снаряда в кишке осколок, по правую сторону».

Украинские FPV-камикадзе целенаправленно совершили удары по мирным гражданам и их домам. Е.В. Якунин рассказывает: «В начале апреля 2025-го дядя Саша и тетя Лена поехали в Доброполье скучаться... в них влетел украинский беспилотник. Машина сгорела вместе с ними. Сыновья их приехали, уже останки дяди Саши и тети Лены просто в один мешок склали и увезли». О.А. Тюнин свидетельствует: «Был у нас Сергей, токарь с автобазы. Пролетел на ихнюю улицу украинский дрон, поджег дом. Они с соседями

выскочили помочь тушить, спасать соседей. И во время того, когда они занимались спасением людей, пролетел еще один дрон, ему оторвало руку, он истек с кровью. Ну, ясно было видно, что это мирные люди». И.А. Родак также подтверждает преступную украинскую практику: «Очень много людей погибло. От дрона очень много. Почти в каждом дворе мы хоронили людей. Мы похоронили четверых. Лично я. Дроны скидывали на дома. Возле колодца мужчина воду набирал – насмерть убило». В.Ф. Белецкая рассказывает: «... работала продавец... и пошла с сыном, прятала сына от ВСУ, прятала, никуда не уезжала, нельзя было выехать. И они пошли переносить вещи, у нее на глазах украинский беспилотник сына убил. Похоронила в огороде». Киевский режим также активно минировал те места, в которых могли находиться мирные граждане города. В.Н. Марченко рассказывает на основе собственного опыта: «Подошли мы ближе к воде, я так на воду поглядел и увидел растяжку на две гранаты». Л.В. Страхова рассказывает, как ВСУ уничтожали православный храм: «Они стреляли по куполу и сбрасывали с коптеров на главный купол ... А после этого еще не раз туда попадали. Били потому, что наш храм Московского Патриархата. Поэтому они сначала ударили батюшке возле дома, а потом его обстреляли».

Аналогично другим населенным пунктам у жителей города не было сомнений в том, кто их обстреливает. В.С. Петренко рассказывает: «... это Яшка. Мина упала рядом с ним... Откуда же летело, я что, знаю откуда, мы же направление знаем, откуда что летит». Н.В. Солод свидетельствует: «Мы знаем просто, где ВСУ примерно стоят. Вот российские войска еще были очень далеко. А прилеты были, мы слышим откуда вылет, куда прилет - полторы-две секунды».

Жители города не сомневаются в том, что основным мотивом геноцида мирных граждан киевским режимом была его ненависть к русским. В.В. Солод рассказывает: «Они говорили, что у них приказ разрушить город, уничтожить мирное население... Говорили, например, есть 20 снарядов, 10-12 по русским позициям, остальные по городу. Сами это говорили. Никто из Украины не скрывает в городе, кто мы для них, и как к нам относятся. Мы для них – ждуны, враги. Как нас называют? Мясо». Н.А. Назаренко приводит свой личный пример: «Я отработала 50 годов, мне 72 года. И меня молокосос, бандеровец, с Западной Украины, сволочь, в землю, рылом в землю меня. Сказал это, чтобы его мама спала спокойно. И как я мешаю его маме спать спокойно? Стрелять около ног нам стали и детям – там была дочка, внучка и я». Н.С. Нехченко свидетельствует: «Может быть со зла к нам ... как они только нас не обзывали. И мы ждуны, и мы русня, и мы все, жители Донбасса. Скорее всего из-за ненависти такой бешеной».

IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года определяет необходимость предоставления защиты по отношению к гражданским лицам. С этой целью «всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства». В статье 147 IV Женевской конвенции также указано, что преднамеренное убийство, а также «произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью», относится к серьезным нарушениям Конвенции. Представленные в данном докладе свидетельские показания в полной мере изобличают киевский режим в системных и целенаправленных убийствах русскоязычных жителей города, включая женщин и стариков, из стрелкового оружия, с помощью беспилотных летальных аппаратов, артиллерийских, ракетных и минометных обстрелов, минировании жилого сектора, а также в намеренном уничтожении домов мирных граждан, что является военными преступлениями, не знающими срока давности.

1 **Чернышева Светлана Александровна,
пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«Я жила в Красноармейске на улице Пушкина. Самое худшее, что ВСУ делали – это людей расстреливали. Еще они минировали угольники. ВСУ еще были в городе. Вот видели, где люди набирают уголь в холодное время года? Люди набирали уголь, чтобы отапливать свои дома или всё, что от них осталось. Мы пошли набирать уголь. В каждом доме угольник находится, где люди покупали там еще раньше, давно, уголь, делали запасы. Пришли, а он заминирован. Там противотанковая мина, растяжки. Лично видела. Каким-то чудом мы не взорвались. Растяжек очень много. Растяжки, пластид – это там еще за самой дверью. В этом же угольнике.

Лепестки засыпаны везде. У меня муж, Чернышев Александр Янович, шахтер. Он брал велосипед и подорвался на лепестке. У него переломы ног, рваные раны ног, пороховые ожоги тела и в глаз попали. Возле нас ВСУ соседа застрелили. Через две улицы колодец, воду набрать шел. Это целое приключение, сходить. Беспилотники бьют, бьют повсюду, что шевелится, бьют. Это надо умудриться ждать туман или что, чтобы сделать запас воды, сходить на колодец. Ну и шли на колодец, сосед шел, набрал воды, шел домой и уже почти зашел. Расстреляли вон, возле дома, где Толстого улица пересекается с Пушкиным. Убили парня, 44 года. Шел человек просто в калошах, какая-то фуфайка. Он буквально не дожил до прихода русских войск шесть дней.

Бабушку одну старенькую убили – там тоже дрон ВСУ рядом ударил. И мужчина тоже ехал на велосипеде. Летом еще. Травмы у него там, и осколки вытягивали магнитами. Врачей же нету, есть у нас один человек, с медициной более-менее связанный, он магнитом пытался. Как могли – у нас препаратов, лекарств нет. Перекись, магнит и вперед.

Много убивали ВСУ, в подвалы заходили, убивали. Один так и остался в подвале, сосед, мужчина в районе 50. Его потом соседи искали, нашли в подвале. Он сидел на стуле с прострелянными коленями и уши отрезаны. Были случаи, летом муку ставили в пакетах. Пакет на лавочке, в нем два пакета муки. Людям есть нечего, соответственно, хотели взять себе, а там взрывчатка, женщине руку оторвало. Люди с голода хватают любую еду. Это пересказывал весь город. И после этого поняли, даже если там лежит что-то из еды, нельзя трогать, потому что может быть заминировано.

ВСУ грабили все и вывозили. Они же селились в домах гражданских. Все, что там надо, забирали. И технику забирали, и велосипеды, если хорошие, и скутера забирали. В микрорайонах они выгоняли людей. Заходят, если их устраивает подвал, если там подвал добротный в доме, – выгоняют. Дают несколько часов, если не уйдете, значит расстрел. Говорят, выходите, нам надо ваш подвал, у нас должна быть тут точка».

Изdevались над людьми, это невозможно передать словами. Ну, это разве не изdevательство? Когда тебя выгоняют из дома, когда минируют все вокруг, когда расстреливают. Когда угрожают, говорят – вы рады, что русские заходят? Когда русские были рядом, уже в ближайших селах. Не радуйтесь, что они заходят. Вам еще хуже не будет».

2 Солод Наталья Владимировна,
пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)

«Я жила в частном секторе. Бывали случаи, когда ВСУ приходили под пьяной дудочкой, стреляли жителям в ноги. Это у меня соседка, Алена, пострадала, они забрали у нее машину, стреляли под ноги.

Как-то соседи наши труп. В 2024 году, летом. Там у нас в частном секторе убитый мужчина, гражданский был. Нашли с огнестрельным ранением. У местных жителей не было стрелкового оружия.

ВСУ выселяли людей из домов. Приходят в дом, нам сказали заселиться в этом доме, выгоняют местных жителей, сами заселяются, а жители уже себе ищут либо другой дом, либо уходят в летнюю кухоньку жить, ну, как-то так.

Когда нас эвакуировали, нам пришлось заночевать в подвале многоэтажки. А у местной жительницы этого подвала пропал сын. В 2014 году СБУ забрало и не вернуло его. До сей поры они его ищут.

Украинские войска постоянно обстреливали город еще до прихода русских войск. Мы же слышим прилеты. Мы знаем просто, где ВСУ примерно стоят. Вот российские войска еще были очень далеко. А прилеты были, мы слышим откуда вылет, куда прилет, полторы-две секунды. Три месяца каждый день дома разрушали.

Украинские дроны над нами висели постоянно. Прилетел дрон, увидели, что мой муж на улице. Ну, мы кушать готовили на улице. Вот и висит, висит дрон. Мы не сразу заметили. И потом буквально муж заходит только в дом, и к нам в крышу другой дрон прилетает. А они видели, что гражданский. Ну, пожар пошел на крышу, мы не смогли его сразу потушить, потому что дроны не давали. Если мы начнем с дома выходить, опять дрон прилетит, понимаете? Ну, потом полезли, смогли выбраться на крышу, посмотреть, потушить пожар.

У нас работал еще один магазинчик летом 2025 года. И постоянно по 30-40 человек звонили родным. Все на улице, ловят Интернет, родным звонят, все, и был прилет дрона. Был прилет украинского дрона. 6 человек пострадало. К счастью, у нас была девушка, она врач, она всем на месте оказала помощь.

Мы боялись выходить, боялись украинских военных. За день до прихода русских войск мы сидели, молили, хоть бы украинские не зашли. Потому что, ну, сами понимаете, мы тоже слышали, что они убивали. Вот в Авдеевке многие приезжали, рассказывали, как они убивали местных. Мы боялись только этого, чтобы к нам украинские не зашли».

3 Солод Виталий Викторович,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)

«Я прятался от ТЦК, от украинских военных, потому что были случаи, когда людей расстреливали. Где-то в ноябре 24-го был обстрел, бежали две женщины с магазина, в подвал на микрорайоне бежали, а их расстреляли из автоматов.

Они работали в магазине, назывался «Лазурит», и бежали в соседний подвал укрыться от обстрелов. И на улице пока бежали, там буквально метров 40-50 бежать, их расстреляли с автомата. И потом в украинских новостях сказали, что это Россия расстреляла. А России даже близко не было.

Украина стреляла ракетами. Люди жили на рынке, на складах. И со стороны Доброполья куча ракет прилетала и поразбивала эти склады. Много раненых людей было. В начале весны 2025 года.

Много историй, когда просто мирных убивали. Вот, например, на магазине, ну, были же, конечно, такие же люди, которые сдавали Украине, на Украину работали, чтобы Украина их не трогала. Люди бывало, в магазине тоже много людей собирается, кто-то плохо отзывался об Украине. Кто-то

подслушал, рассказал Украине. Был случай, как человек плохо высказался об Украине и в тот же вечер ему просто танковый снаряд прилетел в дом.

Как-то люди разговаривали с украинскими военными и они отвечали, не разговаривайте с нами, вы для нас мясо, не подходите к нам. Очень много случаев, что украинские дроны просто искали людей, тренировались дронами на людях. Попадали в людей дронами. Грубо говоря, искали просто мирное население и уничтожали его.

В целом думаю больше тысячи убиты - если еще брать обстрелы артиллерии, градами, танками, дронами ... Большинство людей умерло именно от них с 22-го года.

Украинские дроны зависают над домами и просто ждут, пока человек выйдет, ну, они его увидят. И дрон. У меня у папы друг был. На его улице подлетело две Бабы-Яги, естественно, украинские, и начали просто по двум улицам Бабами-Ягами скидывать танковые мины, просто по каждому дому. Целенаправленно. Они говорили, что у них приказ разрушить город, уничтожить мирное население. У них некоторые из ВСУ разговаривали, а некоторые нет. Ну может бусифицированные, отловленные, они попроще, они с людьми разговаривают. И рассказывали людям, что у нас приказ – выкуривать вас из города. Говорили, например, есть 20 снарядов, 10-12 по русским позициям, остальные по городу. Самы это говорили. Никто из Украины не скрывает в городе, кто мы для них и как к нам относятся. Мы для них – ждуны, враги. Как нас называют? Мясо. Ну, такими они нас считали.

Были случаи, когда спрашивали, где люди набирают воду, на каких колодцах, и потом украинцы дронами зависали – ждали людей. Или просто дроном взрывались, или скидывали бомбочки.

У меня семья тоже не раз пострадала. Мы 4-5 домов поменяли. Были ситуации, когда у бабушки в соседний дом поприлетали снаряды, разрушили дом. Бабушкин дом остался без крыши, без окон, без ничего. Ранило дедушку нашего, бабушку ранило. Доставали ей осколки из головы. Мы перевезли бабушку на соседнюю улицу, и начали прилетать кассетные снаряды тоже. Именно украинские снаряды. Буквально километр от нас посадка была, и с той посадки стреляла украинская артиллерия. Поприлетали кассетные рядом с бабушкиным домом во двор. Одной бабуле под глаз попал осколок, она на один глаз ослепла. Хорошо, у нас была знакомая врач, она оказала ей медицинскую помощь. И второй бабушке тоже в ключицу попал осколок.

Одна бабушка, Порошина Валентина, ей было 79 лет, вторая бабушка – Кузнецова Галина Петровна, ей было 78 лет. Буквально через неделю, через две снова прилетела мина около нашего дедушки, и дедушка умер практически сразу. 120-мина. У меня папа служил в Афганистане давно, но он сказал, что это точно не 60-я, не 80-я мина, говорит, потяжелее, покрупнее. 86 лет. Штаньков Владимир.

Украина уже отошла, то есть они покинули свои позиции и начали обстреливать мирных людей. Обстреляли только дома, где живут люди. Пустые дома были не тронуты. То есть только населенные дома, мирное население обстреливали. И дроны висели, ловили людей.

Когда при обстреле Украины минометами убили дедушку и разрушили дом, мы уже перевезли бабушек в наш дом. Буквально месяц-два прожили более-менее в доме. Потом к нам прилетел украинский дрон, когда заметил, как бабушка с папой готовили на улице еду нам. Потому что мы печки не топили, мы боялись топить, потому что дроны зависают и ищут дома, где дым. Сначала мёрзли, сидели и как-то пытались готовить на улице. Газ закончился, мы придумали способ, папа придумал газовую горелку, бензиновую горелку, соорудил небольшую печку и возле гаража под навесом готовил. У нас тоже улица как проходной двор, там постоянно ходили украинские военные, у нас была собака. Она постоянно гавкала, ну, знали, что там живут люди. Переулок Восточный, дом 12. Собака ранена была.

Украина по мирному населению работала. Буквально после дрона, как он влетел в крышу у нас, загорелась крыша, и начался обстрел. Мы побежали в подвал и не могли выйти с подвала минут 10. Папа решил под обстрелом выйти, проверить дом, но висели дроны. Зашел домой, переждали чуть-чуть. Только дрон улетел, папа забежал на крышу. Мы вынесли воду, он потушил пожар. И побежали дальше, в подвал, потому что был обстрел. И буквально через 2 недели опять готовили на улице, дрон увидели. И через 2 минуты начался обстрел минометом. К нашему квадрату, там 10 на 10 метров. Тоже разрушили частично наш дом, в котором мы жили. Стенка въехала в дом. Крышу тоже повредила. Деформировался, в общем, дом. Собаку контузило. Именно украинские обстрелы, была середина октября.

За две недели, в тот день, когда нам разрушили дом, прилетел еще под соседский колодец миномет. Там хозяйка этого дома набирала воду возле колодца, и оторвало ей ногу, Яворская Светлана. 14 или 15 октября прилетел миномет, тоже 120-й. И осколком, получается, перебило, ну, практически оторвало ногу, держалась на одних сухожилиях. И она полтора часа вот так умирала и просила, чтобы ее добили. Ей пытались помочь, но как тут поможешь уже? Нету ни медикаментов, особо ничего. Ну, умерла. Выкопали яму, похоронили в огороде. Каховский переулок.

Рассказывали нам историю, когда люди сидели в подвале, их там было 5-6. Украинские военные направили автомат и просят две пачки сигарет. Говорят, дай две пачки сигарет, я им вынесу, чтобы его отпустили. Они вышли втроем, а больше их никто не видел. Что с ними случилось, неясно. Пропали без вести. Историй очень много, как Украина себя вела. Очень часто напивались или может, накуривались, я не знаю. Ну, наркоманили и напивались. Ходили по людям, невменяемо ходят, кричат, в небо стреляют. Стреляли по людям, по окнам, по крышам, по воротам. Один парень, моего возраста, высокий, зашел в гости к своей знакомой. И когда выходил, там украинские военные, или накуренные, или пьяные, сидели в кустах, просто в засаде. Увидели его, он же высокий, голова выше забора. И начали стрелять над забором просто по нему. Ну, убежал, выбежал, выжил и рассказал. Очень много ситуаций таких было.

Ездила наша знакомая, которая врач, она ездила по городу и оказывала просто людям медицинскую помощь. Светлана. Ездила по городу и оказывала всем людям медицинскую помощь. И вот были ситуации, она нам рассказывала. Она каждый день видела по 10-15 смертей. И еще большее количество людей, которым она оказывала медицинскую помощь.

А был случай, когда трое мужчин – сын, отец и сосед, собирались за водой. Украинский дрон это увидел. И туда в пяти метрах от них миномет прилетел. Убило всех.

Был у нас магазин. Люди туда ездили за связью, за Интернетом и скучились, и они переезжают дорогу, украинский военный сидит рядом и в радио говорит «двоев гражданских», на украинском языке, и через 5-10 секунд выезжает пикап и пытается их передавить.

Были случаи, когда обстреливали минометами наш частный сектор. Однажды женщина просто шла с магазина домой. И как раз по этой дороге, где эти минометчики стояли, она не знала, что они туда выехали, и начали стрелять. И мимо проходила. Она пешком шла, медленно, с сумками. Они выстрелили с миномёта, и снаряд не взорвался. Так догнали эту женщину, избили её, бросили. И дальше продолжили обстреливать наш частный сектор. Все это на глазах у людей происходило.

Украинцы стреляли с Собачевки, частный сектор. Ну, в народе так его называют. Был другой случай. На магазине много людей собираются, и один мужчина, получается, он скучился в магазине. К нему подошли украинские военные и начали что-то говорить. Он им ответил, что-то я уже честно не помню, но им не понравилось, и выстрелили в него. Около магазина.

Он был еще живой, когда его повезли на машине в Доброполье, чтобы оказать медицинскую помощь, но живым он уже не доехал. А в заключении о смерти написали в Доброполье, что осколочное ранение от обстрела России. То есть, Украина прикрывает все свои преступления».

**4 Чернышов Максим Александрович,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«Весной, задолго до прихода русских, украинцы нас обстреливали. Было слышно со стороны Новопавловки, это село, прилегает к городу, недалеко. То есть слышно минометы, слышно, что вылет, и вот на микрорайоны сразу же прилетают. То есть понятно, что украинцы, русские еще далеко.

Украина обычно обстреливала город артиллерией утром, в обед и вечером «Градами» и мины летят. Когда эвакуировались мы, это переждали, пока они обстреляют. Когда мы выходили, туман был, дронов особо не было. Только когда мы трассу переходили, один вдоль трассы пролетал. Мы присели, он вроде как улетел, не заметил нас. Мы быстро трассу перешли и дошли.

Украинские военные выгоняли людей из домов, когда русские ближе к городу подошли, ВСУ начали расстреливать

мирных, кого встречали по улице. Ну вот, они шли со стороны микрорайонов, получается, в сторону железной дороги по улице прямой. Идут, мимо них прошел человек, и они его стреляли. Если сразу не умер, ему подошли контрольные в голову. Просто мимо шел человек.

Соседа нашего, Сашу, ВСУ расстреляли в октябре. Он за водой ходил, и когда уже шел обратно, они шли снизу. Он подошел уже почти к своему дому, прямо на углу дома. Папа мой стоял на улице во дворе, и мы услышали выстрелы, ну очередь. Потом, когда уже они прошли, мы выглянули, папа выглянул, он лежал на асфальте мёртвый. А другая потом соседка уже сказала, что она тоже слышала сначала очередь в туловище, потом он ойкнул, упал, но еще живой был. И они подошли, контроли в голову ему. На улице Пушкина. 18 декабря ему было бы 45 лет. То есть немного не дожил.

На Южном микрорайоне трёх мужчин и двух женщин расстреляли. И один мужчина тоже переходил трассу, с микрорайона в частный сектор хотел перейти. Они его позвали, у них там был как пост. Они его позвали, и потом они его застрелили, а там рядом пруд был – туда его скинули. Это где-то или конец сентября, или начало октября.

В церкви, Михайловский храм в центре города, там батюшка остался, и люди там тоже в подвале жили. Тоже в него ВСУ несколько пулю выпустили, но он выжил.

Другой, когда магазины позакрывались, он ездил еще на Гришина, там была возможность, если проехать. Покупал там сигареты и потом продавал в городе. Ну, ВСУ, они же там стояли, у них были блокпосты за то, чтобы его пропускать. Деньги с него, часть выручки, забирали. И последний раз, когда он поехал, он им денег не дал, и его потом нашли у него дома, завели его в подвал, сначала ему колени прострелили, обрезали уши, ну и били прикладами или не знаю чем. И потом уже спустя несколько дней соседи зашли в подвал, а он сидит так на стуле, мёртвый уже, ну начинает разлагаться. Он жил со своей женой. За жену никто ничего не знает. Но она исчезла. Трупа её нет в доме. Ни в подвале, ни в доме. И где она, никто не знает. Звали его Дима.

На Диносе, это за железной дорогой, там завод и частный сектор возле этого завода. Мужчина голубей держал, голубятни. Вышел покормить их, его тоже застрелили, снайпер украинский там сидел.

Год назад мы жили в другом районе, ближе к посёлку Шевченко. И там, получается, улица у нас была крайняя, и дальше поля, и через них дорога на посёлок. По одной стороне улицы были дома частные, по другой стороне дачи. И несколько женщин с микрорайонов перед зимой переехали к себе на дачи, потому что в квартирах топить нечем. Там у них домики с печками были. Они переехали туда. Потом пришли украинские военные, сказали, у нас приказ обмотать вот эти дачи колючей проволокой. Им же говорили, что там живут люди, плюс там колодец был с питьевой водой, другие люди туда ходили за водой. Они сказали, мы ничего не знаем, у нас приказ. В итоге они замотали их на этих дачах этой проволокой колючей в два ряда. Поначалу им люди другие приносили там продукты, перекидывали через проволоку. То есть, получается, они просто, видите, вот несколько дач окружили колючей проволокой без выходов, без ничего. Без выходов, зная, что там люди живут.

Потом ездили вот эти их украинские танки, там БТРы, они еще ездили без фар, и в итоге они сами благополучно эту проволоку зацепили и стянули. И она потом по всей дороге была.

Мужчина с женой пошли на эвакуацию с частного сектора. Нужно было им дойти до микрорайона, до церкви на Лазурном. Они же пошли с вещами, с одним велосипедом.

Хотели перейти трассу, и в мужчину ударил дрон украинский один. Буквально в течение пяти минут налетело еще три-четыре дрона украинских. Мужчине этому ногу разорвало и щеку. Его оттянули, что с ним в итоге, не знаю. Женщина вместе побежала, и потом еще второй дрон прилетел в их велосипед. Сначала вот мужчину, они же велик уронил с вещами со своими, и второй дрон в эти вещи влетел. Начало декабря.

В конце лета еще случай был. Двое военных украинских, пьяные в хлам, валялись возле болота в камышах. Мимо них проходили две женщины, и украинцы начали им тыкать автоматом и говорить – вот, типа, вы нас не любите, ждете Россию. Потом прибежал их командир и начал этим женщинам рассказывать и людям, которые там собирались, – не дай Бог, где-то увидим видео, что вы где-то выложите, что военные пьяные валяются, порасстреливаем вас всех. Другой украинский командир начал угрожать, чтобы не вздумали в магазинах военным продавать алкоголь. Но продавщиц тоже можно понять, потому что ВСУшник заходит с автоматом, ты ему что-то не так скажешь, не продашь, он тебя пристрелит. Такие случаи были еще до начал СВО, когда еще АТО. По-моему, в 2014 или 2015 году. В частном секторе небольшой магазин. Там работала мать, и дочка у нее беременная. И тоже пришли украинские военные, хотели купить алкоголь. Они им не продали, и они их расстреляли. Это было еще 2015 год.

Был еще у нас в городе предприниматель один. Он держал свиноферму, пиццерию и ресторан с магазином. Ну пиццерия, ресторан и магазин в одном здании находились. Это тоже еще до СВО было. Он этих АТОшников кормил там у себя в ресторане. И потом, я не знаю, какая-то у них там размолвка вышла, и они ему спалили ресторан. Причем спалили два раза. Первый раз, потом он отстроился, и второй раз спалили. И на ферме у него потом – я не знаю, стреляли по ним. Мы для Украины все – нелюди. Ну, это первая причина. А вторых, мне кажется, они еще злые, потому что с русскими тягаться они не могут. То есть ни отбить ничего, ни завоевать, ни удержать ничего не могут. И они на людях злобу вымешают».

5

**Кузнецова Галина Петровна,
пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«Мне 78 лет, жила в Красноармейске. Рядом дом был. И эти укропы в этот дом попали, и в наш дом, рядышком, Восточный переулок, дом 6.

А я как раз из кухни выходила. С летней кухни. И вот эти все осколки полетели мне в голову и в спину. Дочь у меня потом все вытаскивала, все эти осколки.

Не знаю, чего у укропов там в голове было. Просто никто ничего не ожидал. Бахнули, и всё. И вот это всё полетело. И всё разрушило. И вот я получила это ранение. И в голову, и в спину – вытаскивали. Ну, деду еще. Тоже осколки у него в лицо попали. Наташа вытаскивала с лица все осколки. 86 лет ему. Владимир. Его нет уже в живых. Его потом убили.

Вышел на улицу и стоял на дороге. И прилетает. Я слышу, только зовет меня. Я выхожу, а он лежит. И вот этот асфальт,

под асфальтом, как попал в этот асфальт, асфальт поднял, а он лежит. И вы знаете, я подхожу к нему. У него рубашка тлеет. Лицо все, голова вся тоже, и волосы, и все на свете. Там у него куча повреждений, рот большой, глаза на лбу. Я ему говорю: «Я тебе больше ничем не помогу, абсолютно ничем». Я с дороги его туда оттащила. Потом смотрю, у него на шее рана. Попали в саму вену, кровь. И он захрипел, и все. А похоронила я его в огороде. Штанько Владимир Иванович. 86 лет. Дед еще такой был. Ходил бы, еще жил бы. Ни на что не жаловался. Но помогли. Всем помогают. Украина. У нас там посадка. И в этой посадке они там обитали. И они его подкараулили и бахнули».

**6 Щербинина Элеонора Герольдовна,
пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Димитрова (Мирноград)**

«Я 1963 года рождения, жили прямо около Красноармейска в Димитрово- Мирнограде. Месяц назад меня украинцы ранили. Я со своим знакомым шла, вышли мы на улицу, а тут начали украинцы начали нас бомбить. Нас всё время они бомбили. У нас всё разрушили. Я вообще в чужом доме жила. Мой дом полностью разрушен. Я в 10-м доме жила, они там волю себе дали. У меня микрорайон Западный был, дом 10. Мы до последнего надеялись, что мы выживем, что мы останемся. Потом они начали бомбить страшно. Мы там остались, нас несколько человек осталось в том доме.

Мы-то там переживали, то там, то там прилетало. Это мне просто Бог помогал как-то. Подруга, мы познакомились по несчастью, два парня, близнецы, и мы жили в доме. Ну, просто нам деваться некуда было. Мы в подвале прожили почти два

месяца. И только вылезешь, украинцы уже подстерегают, и бьют, и бьют. Украинцы над нами издевались. Бывали такие бандеры – западные украинцы. Мы их называли бандерами. Они очень злые, ненавистные люди. Творилось всякое. Когда меня украинцы ранили, мы выскочили из дома с одним парнем. Он тоже погиб. Александр Алексеевич Давыдов. У него и мама погибла, и папа погиб, и он погиб. Мы с ним выскочили из второго подъезда и только до четвертого могли дойти. И он меня успел оттолкнуть. В него прилетел снаряд. Я медленно хожу, я бегать не умею. А он быстро шел. Говорит, только скорее, скорее. Я за ним. А потом он падает и все. Прощай, говорит. У него от снаряда осколок в кишке по правую сторону.

Украинский снаряд. Мы понимали, что справа хохлы бьют. С той стороны были хохлы. И они где-то нас подстерегали, они всех подстерегали. Кто только наш выйдет, от хохлов упадет. И, короче, Александра убили. Я ранение получила, мне ногу ранило. Ну, уже время прошло, а я ходить не могу. Потом к нам русские пришли спасать. Ну, радовались, конечно. Очень обрадовались. Потом к нам зашли, именно в подвал тут, зашли два солдата русских. Спасибо им огромное. И сказали, мы пришли, собирайтесь, кто как может, собирайтесь, мы вас выведем. Ребята рисковали собой сильно. Пока мы шли, у нас грязь такая по колено. Погода теплая. Вывели нас, шли мы по грязи. Ну, такой район, что там никого нет, ну, поле, поле. Ребята русские молодцы. Когда шли украинцы – стреляли. Летели снаряды. Мы отходили по сторонам. Ребята русские говорят – девочки, отходите».

7

**Якунин Евгений Владимирович,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Димитрова (Мирноград)**

«В начале апреля 2025-го дядя Саша и тетя Лена поехали в Доброполье скупаться. Туда заехали, нормально всё, а назад ехали, в Димитрове, перед районом шахты 5-6, как заезжать за АТБ, в них влетел украинский беспилотник. Сначала он их пролетел, как свидетели говорят, потом развернулся и их сзади ударили. А машина пикап была. И машина сгорела вместе с ними. Сыновья их приехали, уже останки дяди Саши и тети Лены просто в один мешок склали и увезли. Они такие, пенсионного возраста. Я их помню, дядя Саша водителем работал, он к нам в магазин хлеб еще провозил. Они там нам иногда помогали, сигареты иногда давали, брат с ними хорошо общался.

А когда я жил у тёти Оксаны с дядей Мишой, то дядя Миша погиб. Беспилотник во двор пролетел, взорвался. И у нас людей с подвала, 10-й дом у нас был, кирпичный, украинцы насильно в 3 часа ночи вывезли. Сказали, если не поедут, то расстреляют. А в Красноармейске перед мостом выпустили их, и все. То есть их просто привезли, среди ночи с машины выгрузили и уехали.

Украинцы растяжки ставили, чтобы люди подрывались. Фельдшер на улице Кушкина жил, брат к нему ходил, лечился там, зашивал такое. Ну там много мирных было, которые с разными ранениями, он их там лечил, зашивал.

Украинские обстрелы были. С украинской стороны летело. И насчет грабежа я видел – и холодильники, и телевизоры – украинские солдаты тянули все подряд. Это и в Очеретино, и в Димитрове, это везде было. А до 2021года я работал в охране. Я охранял объекты АПК «Инвест». Я возле моста там был в последнее время, когда комбикормовый завод охранял. А там, напротив, через мост, была «Новая почта». Украинцы отправляли, там постоянные очереди были, большие коробки. И я видел, действительно, там с домов выносили холодильник, телевизор и такую технику всякую. А потом отправляли через «Новую почту».

8

**Белецкая Валентина Федоровна,
пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«Я жила на Лазурном, 75 в Красноармейске, мне 68 лет. От украинцев я все потеряла. Когда они вошли в наш город с Курахово, они стали бить по нашему дому, он крайний от степи стоял. Стали запускать нам беспилотников в квартиры, квартиры стали гореть. Мы с мужем собирались и ушли к сватам в Зеленовку, там рядом. Ну и месяца там не прожили, прилетел к ним во двор снаряд. Слава Богу, не разорвался. И мы потом кто куда.

А 28 ноября у меня муж во дворе набирал воду с колодца. И то ли с «Града» стреляли, Бог его знает, с чего стреляли, его ударной волной откинуло от колодца, сильно поранило. Он уже с нами прощался. Ну, слава Богу, очухался. А женщина тогда, в этот день, на улице погибла, соседка.

А еще на нашей улице жил батюшка. Украинцы все время охотились за этой машиной. Батюшка служил в Святогоровке, село Добропольского района, а возвращался домой, сюда, на Пушкина. И украинцы все время эту машину пасли, только они встали, они беспилотником сожгли машину. Батюшка православный, Московского Патриархата. А потом уже, как закрыли трассу, он сидел дома. А как сожгли, они на второй день стали собираться и тайком уезжать. Только они съехали, и рано утром прилетела ракета по ихнему дому, все сожгли. Он ни от кого не скрывал, что он Московского Патриархата. Не скрывал ни от кого. Батюшка Андрей. Украинцы стреляли по квартирам, по всем били. Магазины разбивали, базары, все, школы. Это все били они. Все их ракеты летели. У нас дом был один. Осталось два наших подъезда, и ничего нет. Всё рухнуло, сгорело. 9-этажка – украинцы разбили. Я на восьмом этаже жила. Ну а потом, как мы пришли в тот же невесткин дом, на Пушкина. Мы особо никуда не ходили там, прятались, стреляли, летело всё.

Ниже, на Пушкина, в упор парня расстреляли молодого. Он вышел со двора, ВСУ выстрелили в него. Во дворе. Он только с дома вышел, во дворе его расстреляли. Ни за что, ни про что. Он жил на Пушкина, 45-й или 47-й дом. Еще соседка напротив погибла летом. Они жили с дочкой, они наши с микрорайона, и тоже на Пушкина в чужом доме жили. Вышли в огород что-то наарвать. И дочь вышла в дом, что-то забыла. Выходит, мать убитая. С украинской стороны прилет был. Выход и прилет сразу. Напротив нас был двухэтажный дом, два парня с мамой жили. Тоже в четыре утра прилет, дом нельзя было затушить, горело страшно. Но спаслись, они все выбежали. А ту женщину убило, ее звали Татьяна, ей было 72 года. Дочь, Настя, около 40 лет. Похоронили в огороде. А еще у нас магазин на Пушкина. И работала продавец, она жила на улице Воронова. И тоже дом ей разбили, она нашла выше. И пошла с сыном, прятала сына от ВСУ, прятала, никуда не уезжала, нельзя было выехать. И они пошли переносить вещи, у нее на глазах украинский беспилотник сына убил. Похоронила в огороде и поехала к маме. Сыну 25 лет было. Они шли конкретно ему прямо в голову, у нее на глазах.

В нашем доме на микрорайоне ВСУ грабили. Подгоняли машины, загружали. Заходили с ломами, взрывали все замки. Подгоняли фуры, забирали холодильники. Ну, что где было, забирали. Это я видела на микрорайоне. Со скважин забрали все моторы. Скважины в домах были, все забрали. Это только украинцы делали. Оставили нас без воды. Забирали все с квартир, что люди не вывезли. Скважины, насосы поснимали. Такое было. Когда мы приехали на Пушкина, там возле магазина «Колибри» давали гуманитарную помощь. Украинские беспилотники страшно охотились, били по людям. Люди же собирались, чтобы получить еду какую-то, и там били. Это всё время. Всё время беспилотник охотился. Расхватывали эту гуманитарку и тикали мы все по домам. Потом нам стали горячие обеды возить. Тоже привозили. Ещё город привозил. Тоже охотились и за этим. Эти машины бедные. Когда везли из Доброполья эти горячие обеды, были ранены водители. Именно украинские военные охотились.

Украина не давала нам ездить, получать деньги, предпринимателям товар привезти на город. Украина била. У нас на улице предприниматель был, так по улице за ним беспилотники. Он все время уходил от беспилотника. Именно по Пушкина. Уже гнался за

ним беспилотник. Один раз он свернул, а беспилотник по асфальту ударил. А второй раз затормозил, а тот пролетел, ударил. Именно за ним, что он возит товар в магазин. Сначала возили водители. Потом их не стало, и хозяин стал сам по товар ездить. И вот этому хозяину такое вытворяли. Он тормознул, а беспилотник ударил. Машина посеченная вся. А потом он сказал, я больше не поеду по товару. Все».

**9 Назаренко Наталья Алексеевна,
пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«От украинцев я пострадала – обидели, сволочи. Я отработала 50 лет, мне 72 года. И меня молокосос, бандеровец, с Западной Украины, сволочь, в землю, рылом в землю меня падла. Сказал это, чтобы его мама спала спокойно. И как я мешаю его маме спать спокойно? Стрелять около ног нам стали и детям – там была дочка, внучка и я. Внучка так испугалась, что передать не могу. Она разговаривать перестала. Машину деда они расстреляли. Сволочи.

А еще их украинцы отправили на эвакуацию, на Гришино, по минному полю. Пять минут им дали взять сумку и чешите. Там была и моя дочка, и моя внучка. Дочка – Анна, Илона – внучка. А сопровождал их дрон украинский. И предупредили: шаг влево, шаг вправо. Еле живые остались. А соседям они связали руки, ноги, вот эти ублюдки – украинские военные, что

были у нас. Они после них пришли до нас. Им посвязывали руки, ноги и вкинули в кухню летнюю. И направили дроны. Сын, мать и соседка. Саша, Света и Таня».

**10 Мельник Роман Владимирович,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«ВСУ выселяли людей из подвалов. Не хотели выселяться – просто закидывали гранатами или расстреливали.

Дронами тоже убивали. Вот люди выходили на эвакуацию. Двое женщин шли на эвакуацию на церковь на Свято-Владимирскую у нас, на Лазурном. Шли две женщины с сумками. Дрон обнулил их. Четверо, семья шла, двое женщин. И двое мужчин. Все четверо – ноль. Так где-то стояли, по-любому, где-то рядом, украинцы. Гибли люди, конечно. И разбивались и дома. И прямо в дома попадали. У нас работала продавщица в магазине, и она осталась ради сына. Его бы не выпустили за границу. И она ради сына осталась, женщина эта. Он вышел, и было попадание в огород. Осколками его обнулили. То есть он погиб. Это была осень, нынешняя осень была. Ранняя осень, да. Как раз минометный обстрел был.

У нас была точка единственная – магазин «Велес», и там хозяин магазина раздавал Интернет. Ну, бесплатно, чтобы люди приехали, например, звонили своим родным, там, сказать, что я там так-то, так-то. С украинской стороны прилетел туда дрон-камикадзе. Ну, там осколочные ранения. Там одному палец оторвало, женщине ногу посекло, мужику тоже там руку. Две женщины и два мужчины осколочные ранения получили. А потом все-таки его украинцы закрыли с помощью минометной атаки. Обнулили магазин. Уже нет его».

11

**Сквородкина Елена Егоровна,
пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Димитрова (Мирноград)**

«Я лично попала под бомбёжку. На меня летел украинский дрон. Я от него убегала. Но он меня все-таки достал. И произошел взрыв. В метрах, может, десяти. Мне ударило в голову. Мне зашивали там, местная медсестра, потому что город разбомбленный был. Вся я истекала кровью. И соседи там мои, оставшиеся, нашли мне медсестру, и она мне зашивала. Мне это повлияло очень на здоровье. Я оглохла. И еще у меня травма головы. Мне осколок попал в голову.

Местные жители, нас ВСУ не щадили. Нас осталось не очень много. Они сжигали наши дома. У нас полностью сжигались дома. Бомбили нас. Стреляли в нас. Вот человек шёл к своему другу и не дошёл. Дрон его достал. А я шла с разбитой головой шить, и он перед моими глазами, я его видела, вот так лежал, кровью изошел, и всё – он мёртвый. Раненых очень много было,

очень много раненых. Люди умирали, мы хоронили прямо во дворе, потому что на кладбище не доедешь. Прямо во дворе захоронение делали, под подъездом своим.

Украинские дроны летели, один шел на нас чтобы сразу насмерть. Дроны нас постоянно ловили, и мы научились от них скрываться. В другой раз за мной дрон летел, я шла в кошачий магазин, еще магазины у нас немножко работали, и он меня сверху увидел. Но я шла по кустам, под окнами, и он меня хотел кокнуть. Я аж залезла под крылечко магазина, как заходить в магазин по ступенькам. Он меня искал. Он меня не нашел, потому что я-то скрылась. И он бахнул по девятиэтажке.

У нас горели дома. Квартиры горели. Я осталась бомж. Мою квартиру вдребезги. Не только мою, весь дом. Я зиму пережила, я отморозила пальцы. Потому что ни света, ни газа, ни воды, ни связи. Но я выжила, я ждала своих. Мы очень ждали свою Россию. Очень. И наконец мы ее дождались».

12

**Страхова Людмила Владимировна,
пострадавшая от преступлений ВСУ
из поселка Новоэкономическое (Красноармейский район)**

«Мне 52 года, мы жили мы в поселке Новоэкономическое Красноармейского района. ВСУ нам разбили поселок. До того как зашли русские. ВСУ сами это не скрывали. Они нам говорили, что чтобы русским ничего не досталось, мы все сотрем с лица земли. После нас будет только черный пар. Это то, что нам говорили сами украинские военные.

Они говорили: «Почему вы не уехали, почему вы не выехали никуда». Раз вы остались, значит, прячетесь. Нам дома разбивали. Они ездили на машинах, они смотрели, где какие хорошие дома. Потом в эти дома были прилеты с украинской стороны – мы же видели, где они стояли и откуда стреляли.

Стреляли они со всего разного, и мины летели, и ракеты летели. Были такие случаи, что от дома не оставалось ничего, просто пыль. В основном с Бабы-Яги скидывали что бы загоралось. Сначала разрушили вот наш дом, сначала его разрушили, а потом спалили коптером, чтобы уже ничего не осталось. 4 мая это было. Мы с 4 мая жили в чужом подвале в течение 7 месяцев. Наш дом они разрушили полностью.

В основном люди сидели, мы с подвала не вылезали, можно сказать, только выскакивали. Там по минутно смотрели, через сколько этот обстрел закончится, и когда можно будет выйти. Бывало, люди погибали, в основном от осколочных ранений. Один парень погиб, поднял коптер, он взорвался в руках. Когда находили, соседи снимали батарейки, потому что мы сидели больше года без света. Снимали батарейки, они долго держат энергию. Детей «Белые ангелы» с СБУшниками – мы своих детей прятали, мы всеми правдами и неправдами. Они нам и в телефонах лазили, проверяли все, где они есть. И в доме проверяли, и под кровать заглядывали. В основном они насиливо заставляли выезжать маму с детьми. Мы не хотели идти на сторону Украины. Мы их не поддерживали. И детей, я же говорю, мы прятали. И детей, и ребят прятали, чтобы их не забрали.

Украинцы обстрелами разрушили наш храм, стреляли по храму, потом снимали все это на видео, и «Голландец» выложивал это все в Интернете и говорил, ну что вам, помог ваш московский Бог. Он был как «Белые ангелы» и снимал храм. На следующий день они его сожгли вечером, а на следующий день, утром, выставили интервью в Телеграмме везде, все это видео. Они стреляли по куполу и сбрасывали с коптеров на главный купол. Били сначала по нему, а потом сожгли, чтобы уже наверняка. Был очень большой пожар, приезжали пожарные, пытались тушить, но оно горело хорошо. Там ничего не сделали. А после этого ещё не раз туда попадали. Били потому, что наш храм – Московского Патриархата. Поэтому они сначала ударили батюшке возле дома, а потом его обстреляли. Украинцы ему угрожали. И не хотел наш храм переходить в украинское подчинение. Батюшка с семьёй был в храме. У него детки маленькие. Он был в храме. И его Господь Бог спас. Они дома не были. Дом у них очень сильно пострадал. А потом ударили по куполу, по церкви. Его вынудили уехать с поселка, у него четверо детей. Все разрушили, храм разрушили, дом разрушили».

13

**Комарицкий Виталий Алексеевич,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Северска**

«Я 1949 года рождения. Проживал в городе Северск. Я жил в стороне от совхоза «Ямский», а на той стороне, там был магазинчик. Ну, люди скуплялись, ходили, провозили. В одно прекрасное время залетела банда ВСУшников. Расстреляли троих, двоих ранило. Стреляли просто так, от нечего делать. На нас. Мы в подвале жили, когда дом разбомбило, мы переехали в подвал жить. ВСУшники рядом жили в подвале, полподвала мы, полподвала они занимали. Они дроны выпускали. Я вышел, дрова рубаю, вот они в этот момент дроны

мне запустили. Если что-то им не понравилось, они прямо в подвал, сход в подвал и прямо туда. Семь или шесть раз я двери ремонтировал. Уже надоело ремонтировать. Били прямо к нам в подвал. Вот запускали в подвал, там внизу взрывалось или сверху. Пятиэтажный дом. Мы с западной стороны жили в подвале, они жили с восточной стороны в подвале. Эти дронщики. Мы сначала не пускали их, ну а они что, наставляют автомат, нам нужна территория. Против автомата не попрёшь.

Нас 8 человек жило в подвале. А потом потихоньку выжимали нас из подвала. Женщину убило, а дочка, сын пошли в другой подвал. В подвал дрон залетел. Она сидела внизу, в подвал заходишь, сразу там заход в подвал. И она сидела на скамеечке, и в это время... в это время влетел украинский дрон. Ей было около 70-ти. Еще один парень с

другого дома из подвала вышел. Дрон летает. Ну, он повернулся, хотел бежать. Ну, он парень такой был у нас, на месте не сидел. Прямо дрон на него – перебило обе ноги. Где-то Садовая, 57. Украинский дрон целенаправленно бил по нему. Женщина пошла по воду, у нас было очень проблемно с водой, женщина пошла по воду, набрала воды возле колодца, дрон сопровождал от самого колодца и до самого дома. А возле дома на неё сбросил, ее ранило, побило её, посекло осколками. Это по Садовой вниз туда, 10-й дом. Однажды собралась толпа получать гуманитарку. В это время человек, наверное, 15 там было. И дронов две штуки. Два человека насмерть, два человека ранены очень сильно, ну и остальные так, по мелочевке. Тоже по Садовой, кажется 27, что ли. ВСУ нам говорили: «Вы нам мешаете воевать». Когда нас эвакуировали россияне, мне осколок украинского дрона упал на спину. Высадили из машины, сильно там много их летало, сбили один дрон, и он распался, и мне по спине осколок, ребро перебило. Ну, болит, конечно, болит. Там хороший осколочек, вон бугор остался».

14

**Немико Ольга Викторовна,
пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Димитрова (Мирноград)**

«15 декабря вечером я и еще двое мужчин и женщин пошли переселяться в другой дом. Когда мы вышли из дома, в котором мы жили, за нами полетел украинский дрон. Следил, куда мы направляемся. Для того, чтобы он нас не выследил, мы вынуждены были разделиться. То есть мужчина ушёл в сторону, забежал в дом, мимо которого мы проходили. Я и ещё одна женщина пошли дальше. Для того, чтобы хоть как-то оторваться от дрона, мы зашли в гараж. Там спрятались. Дрон повисел немножечко, ну, может, минуту-две над нами. И улетел в сторону, где забежал в дом мужчина, который шёл с нами. Пока не было дрона, мы с женщиной перебежали через дорогу и укрылись в подвале. Ну, в другом доме, получается. В другом доме, да, через дорогу. Вот. Мы там в подвале переночевали. Утром, когда мы вылезли из подвала, гараж, в

который мы заходили, чтобы спрятаться от дрона, был полностью разбит. Вернулись назад, проходили мимо дома, в который забежал мужчина. Дом тоже был полностью разбит. Они убить нас хотели. Потом мой муж погиб. Рядом с ним сбросил большой квадрокоптер Баба-Яга. 3 сентября 2024 года. Был какой-то подвес, не мина, потому что пластиковая, ну, самодельное взрывное устройство было. Он сразу погиб, разорвало ему грудь».

15

**Оришников Валерий Владимирович,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«В Красноармейске я жил в переулке Попова. Множество пострадало людей от ВСУ. Шпака Вову и Диму убили, например. Они просто шли на улице Мичурина. Взяли их и постреляли, да и все. В октябре 2025 года. Русских еще в городе не было вообще. Вот этих вот пацанов убили украинцы. Мочили всех подряд. Андрюша есть такой у нас, Бондаренко. Вот тетю его убило. Дом разбомбило там так и так. В общем, знаете, они сидели, дом разбомбило. Они переселились в летнюю кухню, дом был рядом. Она такая сидит и говорит, пойду гляну, что с моим домом случилось. Андрюха говорит, ну, нежелательно, не надо идти. Она его не послушала, пошла. Он слышит «пам-пам-пам», выстрелы. Он ее зовет, и тишина. Сам пошел. А там наемник какой-то говорит, по голосу слышно было. Смешанный какой-то язык. Он же ему говорит, я

без оружия, я мирный. Спрашивает, что с моей тетей случилось, что она лежит? Он видит, что она убитая. Наемник показывает. Видимо он сам застрелил ее. Ей где-то под шестьдесят лет было. Это было где-то в ноябре-начале. Я не пойму, как его не убили. Раз тетю вот так запустили, под ноль, как его живого отпустили. А маму его раньше убило».

16

**Трегубов Алексей Александрович,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«Я жил в городе Красноармейске сорок четыре года. До войны я занимался мебелью, был сборщиком корпусной мебели. Как война началась, меня с работы уволили. После этого я сел дома, прятался от ТЦКшников, от всех служб, которые могли бы меня поймать и, скажем так, отправить на войну. Прятался.

ВСУшники были такие сволочи – оскорбляли, угрожали, всякое такое. Называли: ждуны, предатели, русня. По вечеру, когда уже начинало темнеть, начинали беспределить – то в воздух стреляли, то угрожали тем, что порасстреливают. Один даже кричал, говорит, я в Артемовске всех стрелял и вас постреляю. Я, говорит, таких как вы, ждунов, в Артемовске стрелял и тут буду стрелять.

Однажды возле нас, возле путей, там есть магазин «Палыч». И прямо от «Палыча» край города обстреляли минометом. Подожгли, сожгли, разбили. А потом уже, через день-два, свидетели рассказывали. Приехал пикап, штук 10 выпустили, развернулись и уехали.

Однажды вечером, начиналась сереть, стало потише, дроны перестали летать. Я вышел с собакой, с животным со своим прогуляться. Он побежал вперед, я за ним.

И как оно быстро все так, хлопок, свист в ушах. Взрыв. Украинская растяжка. Благодаря собаке я не пострадал сильно. Он как раз был рядом, возле ноги у меня был. Получается, он получился в эпицентре самого взрыва.

Все на него пошло. Он, получается, он меня закрыл. У меня только один осколок насквозь через ногу. А собаку я похоронил».

17

**Марченко Марк Васильевич,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«Мне 14 лет, я жил в селе Зверево, Красноармейский район. А 1 мая 2025-го мы перешли в Красноармейск.

В августе 2024-го объявили у нас эвакуацию в городе. Детей насильно, всё такое, принудительно. А мужик выезжать он не особо-то и хотел, а у него под домом есть гараж. И ВСУшники заметили это, говорят, ну, давайте, уезжайте. А он сказал, что нет. Ну, они поняли, что не получат гараж, подвал и снесли мужику хату. Гараж остался цел, но они в гараж переселились потом. Мужик пострадал, раненый был.

А у нас в селе, вот лично я видел, и моя мама видела, что возле дома, где мы прятались, поселились украинские минометчики. И они, получается, в сторону Шевченко поставили, а наше село разделяется речкой. Речка разделяет село Тобурное и Сазоново.

И они, получается, мужику шмальянули по дому мирному, гражданскому. И гражданский пострадал сильно. Он не хотел выезжать, но это на наших глазах они шмальнули по этому дому. То есть они с нашей улицы и противоположной улицы, через речку, они шмальнули по тому дому.

Вот мама лично видела, а мы через окно видели, как хата загорелась. Был раненый, очень раненый был, и хата сгорела на наших глазах.

А где мы прятались, они оставили 25 снарядов. Хотели подорвать это место, где снаряды. Они дроном скинули серпантин, отметить точку, что сюда надо бить. И ночью туда прилетел. Ну, батя умный, и он уже успел перепрятать снаряды там с соседом. Они все перепрятали. 25 снарядов было. Это немало. Там бы всё взлетело.

Однажды ВСУ обстреляли дом вместе с жителями, там 7 человек умерли, погибли все. И, получается, мирные жители идут, дня 2-3 прошло, и видят украинских солдат. Они на руинах этих фотографируются, типа, посмотрите, какие русские плохие, а мирные им говорят. «Что вы радуетесь, что люди погибли? Радуетесь своему успеху?» Они говорят, если много говорить будете, мы вас тоже присоединим к тем, кто уже там, присоединился к иному миру».

18

**Марченко Наталья Александровна,
пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«Мне 56 лет, я жила в селе Зверево, Красноармейский район. Наш дом разбомбили, мы были вынуждены первого мая уйти из села. Муж и двое детей, мы вышли в город Красноармейск. Сначала нам там помогли с домом, потом муж с сыном нашли еще другой дом, и мы там поселились и жили до момента эвакуации. Нас вывезли военные русские, помогли нам, оказали помощь.

Когда мы выходили, нас обстреливали. Украинские дроны выслеживали и сильно бомбили. Пришлось переждать время, чтобы мы могли пройти. Не давали проходу. Мы сидели под одним домом, потом под другим домом, и перебежками, перебежками мы смогли пробраться.

ВСУ всё равно, им без разницы. Дети, муж, жена, они всех хотели уничтожать, дроны сильно накрывали. Но, слава Богу, мы остались живы. Смогли выбраться. С нами ещё были велосипеды – мы могли хоть какие-то вещи взять, потому что, ну, всё сгорело, всё сгорело. Украинские дроны закидали дома, и всё у людей горело. И у нас в том числе всё сгорело.

В 2024 году, первого декабря, приехало три полицейских до нас, во двор. И начали требовать эвакуировать детей, забирать. Говорят, одевайтесь. И детей ему будем вывозить. Я отказалась. Говорю, мы выезжать никуда не будем, потому что у нас есть своя машина. Одна и вторая, мы можем выехать в любой момент, когда нам понадобится. Зачем нам нужно, чтобы нас куда-то возили? Я немножко как бы испугалась за жизнь детей. Люди выезжали и оставались дома. И я в одном из домов топила печку. Утром рано вставала, кормила и туда их отводила. Потом опять им носила туда тихонько кушать, чтоб никто заметил. Они от нас не отставали. Все равно, видно, по следам, был снежок. И они несколько раз проезжали. Это раза три или четыре было.

Однажды Давид говорит, мам, я пойду, похожу там, полазаю, посмотрю. Ну, ребенок же. А Марк, мама, говорит, хочу уже кушать. Я говорю, ну, сынок, если что, тогда пошли домой, я сейчас поставлю, растоплю печку, поставлю варить кушать. И тут момент, подъезжает машина, и через забор перепрыгивают два военных ВСУ. И ходят по двору, ищут. А там, в кухне, мы с Марком, я спрятала его за ящиками гуманитарной помощи, там кресла, накидала вещи, все. И получилось так, что они заходят в кухню и начали кричать на меня. Мол, где дети? Ты что, Путина ждешь? Такой бородатый, здоровый, вот. Он по-украински, конечно, все. Начал матюками, потом начал искать ребенка. В общем, мы их еле-еле выпроводили. И я детей перепрятала. Рано утром отводила. И поздно уже пройду. Потому что у нас еще близ стояло три гранатометчика. Три украинских гранатометчика стояло. И они еще по утрам, рано там, в семь, полвосьмого, они бомбили. Но они детей моих не видели, потому что они еще спали, потому что я их рано утром, в пять часов, полшестого, подымала, отводила до бабушек. Говорю, сидите там тихонько, а я потом такими путями, вот, бегала и, ну, кушать носила. А были большие вот эти прилеты, сильно большие.

ВСУ дронами сильно накрывало. Например, около «Вереса» людям оказывали звонки Старлинк, чтобы люди могли дозвониться до родственников, где-то куда-то, чтобы сообщить о себе, дать знать. И в этот момент прилетали украинские дроны и людям скидывали эти все свои гранаты, бомбы. Люди разбегались, некоторые были ранены. Некоторых убивало».

19

**Марченко Василий Николаевич,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«Мне 59 лет, я жил недалеко от Красноармейска – 2 км, село Зверево. Я лично пострадал от Вооруженных сил Украины. После той бомбейки, которую они сделали, нам пришлось выйти из села. 1 мая попал в город. Там знакомые подселили нас. 3 мая поехал на велосипеде купить на оставшиеся деньги что-нибудь покушать себе и детям. И при выезде на дорогу, дорога была нормальная, увидел двух украинских мотоциклистов. Я поехал дальше, услышал сзади мотоцикл, и в меня врезался он. Я в общем упал и встать не мог. Я думал меня пополам переломало. Они уехали. Люди сказали, что мне еще повезло. До этого эти же четыре мотоциклиста сбили насмерть ребенка, примерно 9 лет. И мужчину сбили, позвоночник повредили. Специально сбивали. Они ездили по улицам, автоматом расстреливали дворы, то есть по воротам, по домам стреляли, загоняли мирных жителей в подвалы. Предупреждали, если кто-то будет просто так ходить, сразу расстрелят. Не давали возможности выйти, даже воды набрать. Все они были под наркотой, даже когда меня сбили, я видел, что они были неадекватны. И когда они у нас стояли еще в селе, я имею ввиду всех бандеровцев, которые пришли, они называли нас ждунами, русскими. Говорили: «Мы все равно вас перестреляем».

Однажды один хлопец нам сказал, что на верхней улице, недалеко от нас, метров 300, лежит куча воды в паках, разорванные такие. Ну, нам надо было воду, потому что украинцы колодец разбомбили. Мы пошли с сыном Давидом в то место. Подошли мы ближе к воде, я так на воду поглядел и увидел растяжку на две гранаты. В общем, смотрю на эти растяжки. Думаю, не буду пока подлазить. Идет ВСУшник. Я ему говорю, что хочу взять немножко воды себе и рядом живущим жителям. Я, конечно, по-украински с ним разговаривал, потому что он по-украински разговаривал. А он мне: «Я тебе сейчас дам воды». Очередь под ноги мне. При ребенке. В общем, я поднял руки, говорю, не стреляй. Мы уйдем. Вот. Только не стреляй. Ни меня, ни ребенка. Потому что у меня еще один ребенок дома и жена. Вот. Они этого не переживут. В общем, мы пошли. Я сказал сыну, иди впереди, я тебя буду прикрывать, потихоньку сказал. Так мы дошли домой.

Однажды ВСУшники мужчину застрелили, а молодую девушку изнасиловали. Я ее лично видел потом, когда мы ходили с сыновьями на Интернет. Лет 25-27. Поиздевались с ней сильно. Случаев очень много. Они могли просто идти – увидели гражданского, расстреляли. Украинские дроны накрывали очень много всех жителей города. Были такие случаи, что подвалы закидывали гранатами. Очень много таких случаев было. Открывают подвал, бросают просто гранату и уходят. И так было по городу очень много случаев».

20

**Тютюн Олег Анатольевич,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«Мне 59 с половиной, жил в Красноармейске. Как-то ВСУшники шли по улице, выскочила моя собачка, начала гавкать, а они развернулись и одним выстрелом сразу наповал ее убили.

Лично со мной был случай в районе магазина «Велес», там был Старлинк, и туда жители города стягивались на связь, отзвониться родственникам или послать сообщение через Телеграм, через Вайбер.

Я подошел. А там должен был приехать паренек, привезти с Доброполья продукты. Записывались на список. Я подошел интересоваться, можно ли там еще записаться. Стояла группа людей. Я спросил, где тут записываются. Стоял в гражданке какой-то.

Берцы военные, спортивные штаны, гражданские спортивная куртка и шапочка. То, что у него на плече висел автомат вдоль туловища ноги, я не обратил внимания. Он повернулся ко мне со словами «доброго дня». Я в ответ сказал «здравствуйте». В этот момент он начинает из-под себя вытаскивать автомат, направляет на меня и заявляет: «А за «здравствуйте» я тебя зараз расстреляю».

Ну, видно был под наркотой. Поднял автомат в небо, начал как-то вокруг себя кружиться и стрелять в воздух, последние несколько патронов пошли уже в асфальт. Ну, народ начал разбиваться, я тоже вместе с остальными как бы врассыпную, разбежались.

Был у нас Сергей, токарь с автобазы. Пролетел на ихнюю улицу украинский дрон, поджег дом. Они с соседями выскочили помогать тушить, спасать соседей.

И во время того, когда они занимались спасением людей, пролетел еще один дрон, ему оторвало руку, он истек с кровью. Ну, ясно было видно, что это мирные люди, не солдаты Российской Федерации. Просто тупо убили.

Еще там тоже был прилет, тоже он слесарем у нас работал в автобазе, тоже прилетела мина во двор. Погиб он, тетя его и двоюродный брат. В общем, ВСУ как бы сильно не церемонились.

Знаете, как было? Сидишь во дворе или лежишь ночью, не спишь, слышно – летит... Ну, еще российских войск в Красноармейске не было, еще были украинские.

Слышно, с микрорайонов летят мины. 7-8 мин на окраины улетают, а 1-2 в центр города. По выхлопу слышно, что рядом выстрел, через 2 секунды пролет.

На этом расстоянии российских войск еще не было. ВСУ прикрывались мирными жителями.

Днем они отсыпались, прятались где-то в укрытиях. Ночью украинский танк гуркотит, ляскотит, слышно его, что танк едет.

Подъезжает до калитки, делает 5-6 выстрелов и быстренько уезжает через 2-3 улицы, прячется, потому что знает, что в ответ же может пролететь. Именно знают, где люди, и надеются, что россияне в ответ не будут стрелять».

21

**Родак Ирина Александровна,
пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«У ВСУ мародёрство очень сильное было. Выносилась мебель, техника, выбивались ворота, двери в домах, гаражи выбивались. Отвозили посылать на «Новую почту» или вывозили.

А потом они заселялись в подвалы и мирных жителей оттуда выводили. Подъезды закрывали. Закрыли подъезды и все.

Было очень много дронов в последнее время, осень была очень тяжелая. Дроны, минометные обстрелы со стороны Украины. Очень много людей погибло. От дрона очень много. Почти в каждом дворе мы хоронили людей. Мы похоронили четверых. Лично я. Дроны скидывали на дома. Возле колодца мужчина воду набирал – насмерть убило. Ну, скинули с дрона, он воду набирал, скинули с дрона – насмерть сразу. Потом во дворе сидели люди, под навесом, ели. Скинули какую-то бомбу. Двое мужчин погибло. Валера и Толик. Женщину убили 6 ноября. Скинули с дрона

бомбу в дом. Через 10 минут она скончалась».

22

**Петренко Владимир Сергеевич,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«Я 1954 года рождения, родился и проживал безвыездно в городе Красноармейске. Однажды ехал знакомый мой, я как раз на улице стоял, и он ехал на дежурство. Он там охранял базу. Собак кормить. Яша его зовут. И он поехал, и две мины пролетело. Одна ближе, а одна чуть дальше. Когда дым рассеялся, мы увидели маленький велосипед, и что-то лежит возле него. Соседские пацаны пошли и сказали, да, это Яшка. Мина упала рядом с ним. Он стоял возле забора. Он хотел идти домой. Замкнул базу и хотел идти домой. Это я видел. Погиб. Мина рядом. Буквально в двух метрах от него упала. Откуда же летело, я что, знаю, откуда, мы же направление знаем, откуда шо летит. Знаете, что я вам скажу? Эти, я не знаю, как их называть, ВСУшники – не люди. Я за кого рассказываю? За украинцев. Я хоть сам украинец, но поймите, я донбасский

украинец. Это моя родина. Я буду жить в ДНР. Потому что это – моя родина, моя земля. Почему я должен уезжать? ВСУшники говорили: «Вы – ждуны». А почему я со своей родины должен уезжать? Вообще-то пять дронов влетело в мой дом. Понимаете, что крыши не было, я подремонтировал. И они по этому ремонтированному еще дали. А потом и потолок провалился. Мы же видим, кто откуда летит. Баба Яга летит. Российских не было. Это мирные жители. Макс погиб. Прямо в доме сидел, возле печки. Это было вечером, и туда

пролетело. Он инвалид сам, ему 33 года было. И он погиб. Пришел, а он лежал уже. И он маленький такой, и он уже начинал холодеть. Остывать уже. Это Максим. Мины со стороны Украины прилетели.

Мы с утра схватились – и в храм, там храм Константина Глеба и Матери Софии на нашем поселке, мы туда пришли, в храм. И после этого, я не знаю, суток семь, наверное, суток, не часов, круглосуточно, то грады, то дроны били, там еще на территории автопарка, они били по зданию. По территории храма. И так там давали, что мы сидели в подвале, и подвал дрожал».

23

**Волошенко Михаил Викторович,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Димитрова (Мирноград)**

«Я сам родом из Красноармейска, сам жил последние 4 года в Димитрове. Первая у меня контузия от украинцев, когда я ехал от знакомых авдеевцев, переселенцев, домой. Слышу, уже свистит, близко-близко, велосипед бросил. Она упала рядом, всё. Получил первую контузию в Димитрове. Российских никого не было абсолютно еще.

Вторая у меня получилась 20 июля этого года, летом. Я с дома во двор выходил, и с другом. Висела FPV-ишка. Не разглядел, какая, потому что назад, в укрытие. Но мне в прихожую в крышу лупануло, я друга прикрыл собой, взял на себя все ранение, получил в шею тут вот и сзади. Украинский дрон. Российские ребята не били по мирняку. А ВСУ нас называло «ждунами» и прямо говорило «мы вас будем бить», вот и всё».

24

**Нехченко Николай Сергеевич,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«ВСУ у меня соседку убили. Дедушку в районе Первомайки зарубили. Пришел сосед и говорит, это ваш дед, а у него просто-напросто раскроенный череп. Это был где-то октябрь месяц.

Соседка где-то в начале седьмого утра просто-напросто выходила с дома, выносила ведро там какое-то, что-то выносила. Украинский дрон вылетел близко со стороны ее огорода и прям же её тут же возле дома и бахнул, потому что я лично видел этот весь чёрный дым. Прибежал потом сосед Коля: «Тетю Таню ранило». Я же это все прекрасно видел, что это все бахнуло, потому что это буквально в 30-ти метрах от меня произошло, даже в 25-ти метрах от меня. Ну, ничего, я пришел, мы с этим же соседом Гришой затащили ее в дом и оказывали ей первую помощь. У нее на этом колене дырка

была, перемотали. А потом мы ее посадили, а я слышу какие-то звуки нехарактерные такие, как воздух где-то выходит. И подушки, которые мы сзади выкладывали, они все покрылись кровью. Мы поднимаем ей куртку, а у нее со спины просто-напросто вытекает струя крови. Легкое пробитое или что-то такое. Ну и все, опять же, мы туда накладываем эти же все повязки. Пытаемся оказать ей первую медицинскую помощь. Но в итоге она за три часа и скончалась. И мы ее уже с этим соседом на следующий день похоронили. Опять же, в тряпках, в яме как было. Опять же, под дронами, под выстрелами. Но мы ее там же во дворе и похоронили. Это было 28 октября. Ей 65 было. За несколько недель до этого ей исполнилось 65. Я ее еще поздравлял. Татьяна Николаевна звали. Старое название улицы Череватинка, 8. Сейчас она Михаила Петренко, 8.

Украинский дрон, потому что других там не было. Откуда там Россия. Я не могу сказать мотивацию ВСУ. Может быть, со зла к нам, потому что сколько всего это было, потому что как они только нас не обзывали. И мы ждуны, и мы русня, и мы все – жители Донбасса. Скорее всего из-за ненависти такой бешеной».

25

**Шалик Юрий Николаевич,
пострадавший от преступлений ВСУ из г. Красноармейска (Покровск)**

«К мирным ВСУ плохо, очень плохо относятся. Они нас не признавали, потому что мы с Донбасса были. Когда они заходили к нам во дворы, собак стреляли. Нам автоматы в спину ставили. Ставили и мне, потом стрельнул. Я говорю, что ты делаешь? Это проверка, говорит. Я говорю, какая проверка? Что ты делаешь? Я что, маленький, дитя или что? А он – да не, ничего, это проверка, короче. Потом зашли в дом, проверили телефоны, паспорта. А у нас с курьем туда было. И у меня на печке сигареты там, ну, покупали самодельные. Забрали, короче. Забрали последние.

Потом пошли они до соседей, а там в Авдеевку. И женщина лежала на диване, и они автоматом. Над головой пули пролетели. И когда они по улицам ходили, они просто так стреляли, в огородах. По домам стреляли. Я не знаю, зачем они

так делали. Во дворе мы человека хоронили. Осколком убило – Украина минами стреляла или гаубицей. Короче, на следующий день он умер. И мы пошли, тут сын, мать. А где хоронить будем? В огороде. И мы начали лопатами отмерять. Ихние дроны вот так приземлялись и начинали стрелять. Мы ховались там в яме до тех пор, пока они успокоились. И мы, короче, в 9 утра начали копать яму и закончили аж в 5 вечера. Потому что они нам не давали. Украинцы им не давали.

Олег Федорович убит был. Хороший человек. Все надеялся, что лучше будет. Придут русские, будет хорошо все. Ну, а видите, как получилось все. Ему 70 примерно. Потом мы еле-еле выкопали яму, и то неглубокую, метр двадцать, лишь бы собаки не разрывали. Потому что собаки разрывают, там у нас и черепа валяются, и тела. И потом дрон их подлетел, а мы уже на клеенке несем его. И они прям над ямой встали, дрон, и смотрят, что это такое. И вот они увидели, что мы уже покойника несем. И вот тут только улетели».